

1

Июньское свежее утро, ни духоты, ни сырости, а Русов потеет. В лучах солнца, проникающих в больничный коридор сквозь высокое окно, его лоб блестит. Андрея это настораживает. Кроме того, Русов бледен, под глазами — круги.

Может, голова болит с похмелья? Но Русов редко выпивает больше стакана пива. Лишним весом не страдает. Простыл, хотя сейчас лето? Или все же нужно обследоваться? Ему за сорок — возраст инфарктов.

Русов подходит близко, ближе, чем нужно для общения. Андрей чувствует его дыхание и прекращает диагностировать: удобная дистанция, какая обычно существует между врачом и пациентом, исчезла. Внезапно он ощущает, как мурашки побежали по коже. Тело реагирует быстрее, чем мозг. От Русова пахнет страхом, его заискивающая улыбка не может этого скрыть. Он чего-то хочет, но боится.

— Андрей Михайлович...

— Да? В чем дело?

— Да нет, ничего особенного. Но если у вас найдется минутка...

Теперь у него блестит все лицо. Пот собирается в капли.

Неожиданно Русов выхватывает носовой платок и тщательно вытирает лоб, будто полирует мебель.

— Жарко, простите... Знать бы, когда уже отключат отопление. Можно подумать, нашим пациентам прописано лечение баней.

Батареи в больнице холодные.

— Я хотел посоветоваться с вами. Как с диагностом, чье мнение я высоко ценю.

Значит, так он теперь заговорил. С чего бы это? Не далее как на прошлой неделе у них вышло по-идиотски мелочное «профессиональное несогласие», касающееся случая девочки с увеличенной после серьезного падения селезенкой. Русов долго распространялся о «научной ответственности», презрительно постукивая ручкой по столу. Тогда, казалось, диагностические способности Андрея не играют для него никакой роли. Андрей всегда слишком много времени проводил со своими пациентами. На первый взгляд это был ясный случай травмы селезенки из-за ушиба. Вопрос заключался лишь в том, возможно ли консервативное лечение или требуется немедленная операция.

Когда выяснилось, что увеличение селезенки у ребенка и в самом деле никак не связано с несчастным случаем, а возникло вследствие недиагностированной лейкемии, Русов пробурчал что-то о «случайном везении» и «целительских практиках мумбо-юмбо».

Тем не менее Русов достаточно хороший врач: трудолюбивый, ответственный, жадно стремящийся описать как можно больше случаев в надежде повисить свой авторитет в научной среде. И его определенно начали замечать. В один прекрасный день он, вне всякого сомнения, опубликует ту самую, решающую, статью, которая отворит ему райские врата в мир симпозиумов и конференций и наверняка посулит зарубежную поездку. Диагностический дар Андрея его раздражает: он

не вписывается в традиционную схему, да и не был получен обычным способом — путем обучения и исследований. Им так и не удалось подружиться.

— Так в чем дело, Борис Иванович? — спрашивает Андрей.

Русов бросает взгляд в конец коридора. В их сторону рентгенолог катит тележку, полную снимков.

— Давайте выйдем отсюда на свежий воздух.

Внутренний двор больницы довольно большой, в нем высажены липы и кусты роз. Хорошо, что пациенты, глядя в окно, видят живые растения. Андрей помнит время, когда здесь выращивали овощи: лук, морковь, капусту; засеянные грядки теснились друг к другу, занимая весь двор. В то первое блокадное лето каждый клочок земли в Ленинграде становился огородом. Странно, как близки те ощущения! Как будто все это еще продолжает существовать, вот только увидеть нельзя.

Эти липки совсем молоденькие, им нет и десяти лет. Прежние деревья вырубili, чтобы топить больничные печи зимой сорок первого — сорок второго года. Но дрова в конце концов закончились, сколько бы они ни перерывали помойки в поисках хоть чего-нибудь деревянного. Пальцы Андрея до сих пор помнят мертвенно-ледяные прикосновения к нерастопленным печам.

Двор крест-накрест пересекают две дорожки. Посередине — круглая, покрытая гравием площадка и скамейка. Русов молчит. Он переминается с ноги на ногу, хрустя гравием, а затем достает пачку «Примы» и предлагает Андрею.

— Спасибо.

Прикуривая, они невольно придвигаются ближе друг к другу. Русов теперь выглядит спокойнее, и хотя он не совсем ловко управляется с зажигалкой, пальцы у него не дрожат.

— Хорошо проглотить свежего воздуха.

— Да, — соглашается Андрей. — Но через пару минут мне придется вас покинуть. У пациента в два рентгена, а перед этим мне нужно поговорить с рентгенологом.

— Конечно. Это не займет и минуты.

Но он по-прежнему отказывается перейти к делу. Просто продолжает неглубоко затягиваться сигаретой, часто выпуская дым, как мальчик, который курит в первый раз. Как Коля.

— Это касается нового пациента. Сложный случай.

Андрей кивает.

— Хотите, чтобы я взглянул на него?

Лицо Русова искажает кривая улыбка.

— Вопрос тут не столько в диагнозе, — говорит он, пытаясь держаться со свойственным ему апломбом, — сколько в том, какие именно исследования необходимо назначить на этой стадии. В данном конкретном случае нужно быть на сто процентов уверенным, прежде чем предпринять следующий шаг.

— Не убежден, что понимаю вас. Каковы ваши первоначальные выводы?

Русов внезапно издает резкий лающий смешок, и теперь он выглядит почти как дикарь. Кажется, даже его короткие волосы встали дыбом.

— Мои «первоначальные выводы» состоят в том, что пациент — это сын одного... чрезвычайно влиятельного лица.

— А-а. И сколько лет мальчику?

— Десять.

— И у него проблемы с суставами, так? Вы поэтому обратились ко мне?

«Почему Русов никак не перейдет к делу?»

— Он сын Волкова, — резко бросает Русов.

— *Волкова?* — Боже мой! Это же одна из тех фамилий, которую достаточно лишь назвать... Как Ежов или Берия... Сердце Андрея заколотилось, в горле пересохло. Прежде чем продолжить, он откашливается. — *Того самого Волкова?*

Русов только кивает, а затем поспешно выкладывает:

— Проблема с суставом, да, я практически уверен в этом. Припухлость, краснота и так далее, боль в сочленении, на ощупь горячий. Поэтому я пришел к вам. Все симптомы указывают на ювенильный артрит, а вы специалист по нему. Никаких анализов я не брал, это всего лишь мое предположение, — торопливо добавляет он.

— Вы хотите, чтобы я его осмотрел.

— Если сможете. Если сможете, дорогой мой, уверяю вас, я буду бесконечно признателен.

«Дорогой мой»? «Бесконечно признателен»? Сдержанный, компетентный Русов по-прежнему обливается потом. Он никогда не говорит в таком тоне. Что, черт возьми, вообще происходит?!

Дует теплый и приятный ветерок, но Андрея обдает холодом прозрения. Он понимает, что все намного хуже, чем рассказывает Русов. Видимо, ребенок серьезно болен. И этот трус хочет, чтобы Андрей осмотрел мальчика, забрал дело, назначил исследования и затем огласил свой вердикт семье. Русов готов на все, лишь бы не стать глашатаем дурных вестей для Волкова. Не Русова будет вспоминать Волков с холодной, жесткой яростью, которую такой человек испытывает ко всему, что не поддается его контролю.

Русов бросает окурок, втаптывает его в дорожку и каблуком разравнивает над ним гравий. Андрей ничего не говорит. Он ловит себя на том, что разглядывает листья липы так, будто ни разу в жизни их не

видел. Они такие свежие, полные сил. Удивительно, но деревья всегда выглядят так, будто были здесь вечно, даже если ты помнишь, как женщины засыпали землей их голые корни.

Русов откашливается.

— Я вдруг понял, что вполне мог что-то упустить из виду. Есть риск двинуться в неправильном направлении — например, назначить не те анализы. В случае, имеющем такое значение для... для больницы, мы не можем допустить ни малейшей оплошности.

И ведь у него хватает совести говорить это с таким видом, будто именно Андрей отказывается думать о благе всего коллектива! Андрей в ответ смотрит на него без всякого выражения. Русов опускает глаза.

— Например, — бормочет он, — например, вспомните хотя бы тот случай с селезенкой девочки.

Сейчас он унижается, но как же он возненавидит Андрея, когда все это закончится. Нет худшего врага, чем человек, которому однажды пришлось умолять вас о помощи.

С другой стороны, что, если Русов и впрямь что-то просмотрел? Он педантичен, но ни на шаг не отступит от инструкции. И если он отдает себе в этом отчет, возможно, он не так самонадеян, как кажется... В таком случае он делает именно то, что нужно в данной ситуации: сверяется с мнением коллеги.

— Вы мне до сих пор так ничего и не рассказали о ребенке, — говорит Андрей.

Русов снова откашливается. Рука его тянется к карману с сигаретами, но тут же безвольно опускается вдоль тела. Он в упор смотрит на Андрея ничего не выражающим взглядом.

— Я подумал, что для вас будет лучше рассмотреть этот случай с чистого листа.

Поднявшийся ветер шевелит кроны лип.

«Помедли с ответом, — шепчет Андрею внутренний голос. — Не ввязывайся в это. По крайней мере, не сию же минуту». Он понимает, что настал момент, который может бесповоротно изменить всю его жизнь. Вероятнее всего, ему не удастся устраниться от этого дела. Если оставить все прочее в стороне, все равно есть больной ребенок, который нуждается в наилучшем лечении. Что, если Русов опять ошибся?

Но Андрей должен думать об Анне и Коле.

В памяти всплывают их лица. Аня сосредоточенно хмурится, собрав лоб в тугие морщинки, но поднимает глаза, видит его, и ее лицо проясняется и разглаживается. А Коля! Высокий, худющий, узкоплечий, потому что все еще растет. Вот он сидит, корпит над домашним заданием, а в следующую минуту вскакивает и бросается через всю комнату, заметив под столом мышь. Или делая вид, что заметил, — Коля хочет кота, а Аннушка не в восторге от этой идеи.

Коля на пороге между детством и взрослостью, уже не ребенок, но еще не мужчина.

Сердце Андрея все так же учащенно колотится. Что бы ни случилось, их это не должно коснуться.

Но Русову тоже не нужны неприятности. Любой на его месте, понимая, что его загнали в угол, повел бы себя подобным образом. Он достаточно компетентен и добросовестен, но сейчас напуган до ужаса.

— Так как, осмотрите мальчика? — спрашивает Русов.

— Его карта у вас с собой?

Коллега медлит.

— Это был лишь предварительный осмотр, вы же понимаете. Я не делал анализов. Не было возможности поставить диагноз. Мальчика привезли сегодня ночью с определенными симптомами, и это все. На скорой, — добавляет он, как будто эта совершенно неважная подробность может все объяснить.

В ту же секунду Андрею все становится ясно. В карту вписали лишь необходимый минимум сведений.

— Но вы должны были назначить анализы. Наверняка вы обдумали, что может потребоваться.

— Я не хочу влиять на ваше обследование.

Ах, вот оно что! Андрей чувствует отвращение. Даже здесь, во дворе, где их точно никто не подслушивает, его так называемый коллега не проговорится. Он явно преуспел в умении следовать неписанному закону, знакомому сегодня каждому: держи рот на замке, а руки по швам, если нет абсолютной уверенности, что можно говорить и действовать без опаски. Не рискуй. Не высовывайся. Будь безымянным и, как все, шагай в ногу.

«Конечно, первичный осмотр проводил доктор Б. И. Русов, он и поставил предварительный диагноз, который впоследствии подтвердился...» Русов пойдет на все, только бы избежать этого. Другое дело, если позже он сможет сказать: «Я попросил коллегу — врача-педиатра общей практики и одного из наших лучших диагностов — осмотреть пациента. Поскольку доктор Алексеев проявляет особый интерес к лечению ювенильного артрита и учитывая, что при моей текущей врачебной нагрузке сам я не смог бы уделить этому случаю должного внимания, лучшее, что можно было сделать в сложившейся ситуации — как можно скорее передать дело. Как вы понимаете, чрезвычайно важно, чтобы лечение было последовательным».

Вот так все и будет.

Да за кого он меня принимает? Неужели он держит меня за полного идиота?

Русов рассматривает гравий под ногами. Вид у него поникший. «Он понимает, что все пропало, — думает Андрей, — что я пошлю его к черту. Конечно, так я и сделаю. Пусть сам выкручивается. Русов вечно выпячивает себя, лишь бы быть на виду, вот судьба и подшутила над ним. Волков весьма поспособствует “укреплению его научного авторитета”».

Жребий пал на Русова. Вот и вся разница между нами.

Он мог бы ответить «да», как всегда. Андрей не из тех врачей, которые берегут профессиональный опыт исключительно для своих пациентов. Да и сил он тоже не жалеет. Иногда кажется, чем больше сил он тратит, тем больше их прибывает, как будто он владеет тайной быстрого восполнения энергии, попирающей обычные законы наступления усталости. Все знают, что на Андрея можно положиться. Русов на то и рассчитывает.

— Вы хотите, чтобы я забрал пациента себе? — спрашивает Андрей.

— Я этого не говорил.

— Послушайте, Борис Иванович...

— Я просто прошу вас посмотреть мальчика.

— Не сегодня. Сегодня никак. У меня двое амбулаторных больных, а потом собрание до девяти.

— Но вы его посмотрите?

— Не могу обещать. Я должен идти, меня ждут пациентка и рентгенолог. Завтра поговорим.

Русов кладет ладонь Андрею на предплечье. Тени пробегают по серо-коричневой ткани рукава.

— Спасибо вам за сотрудничество, — произносит он, стараясь говорить нормальным тоном человека, который только что обсуждал с коллегой профессиональные вопросы, но в его голосе все же слышится мольба.

— Деревья хорошо принялись, — говорит Андрей.

Русов нетерпеливо вскидывает взгляд. Деревья! Какие, к черту... Им нужно обсудить дела поважнее! Пальцы его рефлекторно сжимаются на руке Андрея, но, опомнившись, он вежливо выдавливает:

— Деревья — это прекрасно.

Андрей вспоминает: в год, когда закончилась война, на октябрьские праздники сажали деревья, и Аня трудилась от рассвета до темноты. Он в субботнике не участвовал, потому что весь день дежурил. Она вернулась домой вымотанная: свою норму бесплатного труда точно выполнила. И он был сердит — могла бы напрягаться поменьше, и так всю неделю работала, а тут еще дополнительная нагрузка. Ведь можно было прийти домой пораньше. Нет, вы только посмотрите на нее! Она, видимо, хочет заболеть от переутомления! Но Аня сказала: «Это же деревья, Андрюша. Для наших детей. Только представь, что когда-нибудь Коля со своими детьми сможет пойти в новый парк гулять в тени деревьев, которые мы посадили сегодня».

Андрей идет по коридору к рентгеновскому отделению. Он чувствует, что шея одеревенела от напряжения. Остановившись на минуту, он опускает плечи, вращает ими, бросает вниз, заставляя мышцы расслабиться. Больные дети сразу замечают, когда взрослые чем-то встревожены.

— Здравствуй, Танечка! Как мама вела себя сегодня?

Обе — и Таня, и мама — смеются. Это их дежурная шутка. Раньше Танина мать тенью проскальзыва-

ла в больницу и обратно, не поднимая головы, вечно боялась нарушить какие-то воображаемые правила, боялась, что Таня заставит ее краснеть. Как-то раз ее опасения оправдались, когда Таня не успела дойти до туалета и обмочилась прямо на этаже. Но с тех пор им довелось лучше узнать друг друга. Да и как иначе, если Таню уже несколько раз госпитализировали с острыми приступами. Появился новый метод лечения с использованием секрета надпочечников животных, но Андрей считает, что для Тани, из-за недостаточного веса и плохого общего самочувствия, он слишком рискован.

— Помнишь, Таня, я говорил, что теперь подвижность твоих суставов зависит и от тебя самой, а не только от врачей и медсестер? Как успехи с упражнениями?

Андрей назначил Тани курс изометрических и изотонических упражнений и массаж.

— Очень хорошо, доктор, она выполняет упражнения каждое утро и каждый вечер, как вы и говорили, — отвечает Танина мама.

— Даже когда больно, я все равно их делаю, — с гордостью добавляет Таня.

— Молодец. Помнишь, что я говорил? Может быть больно, но вреда от них не будет. Потому что ты не нагружаешь колени, а просто помогаешь им снова научиться двигаться свободно. А как насчет рыбьего жира?

— Она принимает его каждый день, как послушная девочка. Правда, Танюша?

Больше всего ему хотелось бы отправить Таню в санаторий, специализирующийся на лечении артрита. Отца нет: погиб на войне, как и у многих его маленьких пациентов. Возможно, тот даже не видел дочери. Мать родилась в Кингисеппе, но когда немцы стали наступать, ее семья бежала на восток, и их отправили на

Урал. Таня с матерью вернулись в Ленинград уже после войны, когда в город хлынул поток переселенцев. Теперь Тане семь лет. Ее мать работает в ателье по пошиву одежды. Шансов на то, что им выделяют путевку в детский санаторий, почти никаких, но попробовать все равно стоит.

— А на физиотерапию вы ходите?

Таниной матери с трудом, но удается самой водить ребенка на прием в клинику, но, чтобы не пропускать физиотерапию, ее собственной матери (Таниной бабушке), которая по-прежнему живет в Кингисеппе, приходится специально приезжать в Ленинград. «Она бы переехала ко мне, если бы это хоть как-то помогло, но в коммунальной квартире — какие условия? Комната у нас крошечная. И потом, мать выращивает овощи, а я на них вымениваю яйца и молоко для Тани».

— Да, Таня соблюдает расписание, как по часам, — гордо говорит ее мама. — Она ни разу не пропустила сеанс.

— Это просто замечательно, — с теплотой отвечает Андрей. — Подождите минуту, пока я перемолвлюсь словечком с рентгенологом. Я, Таня, хочу попросить Софью Васильевну, чтобы сегодня она посмотрела тебя особенно тщательно.

Он слишком много времени проводит с пациентами. Слишком подолгу с ними беседует. Его не раз критиковали за это, но в свою защиту он всегда возражал, что в долгосрочной перспективе такой подход оправдан. Он позволяет ему выявить проблему в зародыше, а порой и предвосхитить ее появление. Ему удается добиться «необычайно высокого уровня соблюдения пациентами врачебных предписаний», а это стоит отдельно отметить в графе достижений. Обычно ведь как ведут себя